

Понадобилось секунды три, чтобы осознать услышанное. Убедившись, что всё понял правильно, Фу Цанчжоу почувствовал, как рушатся его представления о мире.

В памяти услужливо всплыли истории об эльфийских любовных треугольниках из прошлой жизни.

Да уж, затейники. Ему, как человеку из современного мира, было решительно не понять логику жителей государства Юй. А впрочем, может, дело в том, что перед ним предстали вовсе не люди? Нечеловеческая природа и иная структура бытия давно увели их за пределы привычного углеродного существования. Неудивительно, что ход их мыслей казался столь причудливым и странным.

Стоило Чжун Сю излить душу, как вторая участница сцены негромко возмутилась:

— О чём ты только говоришь, Чжун-лан!

Хотя слова и звучали как упрёк, по её лицу и голосу было ясно — она вовсе не сердится.

— С чего бы мне выдумывать? — с улыбкой отозвался призрак.

— Не порочь доброе имя Линь-лана, — покачала головой госпожа Бай.

— Ах... — Чжун Сю тихо вздохнул, нежно поглаживая ладонью «своё» лицо. — Сестрица Жоу, какая же ты предвзятая. Я даже начинаю ревновать.

Этот приторно-сладкий тон и притворная нежность заставили Фу Цанчжоу содрогнуться от отвращения. Остаться здесь больше не хотелось ни секунды. Поспешно вмешавшись, он окликнул:

— Чжун Сю...

Но договорить ему не дали. Чжун Сю перехватил инициативу:

— Всё, что нужно, я уже сказал, — его улыбка оставалась мягкой, но в голосе зазвучали непреклонные нотки. — Солнце клонится к закату, и нам не подобает задерживать гостей. Молодому господину пора отправляться в путь.

Уходить ни с чем Фу Цанчжоу, разумеется, не собирался.

— Мы глубоко признательны за ваше благородство, — добавил Чжун Сю после короткой паузы.

— Однако... это наше личное дело, и мы бы не хотели, чтобы в него вмешивались посторонние.

Юный повелитель призраков промолчал.

Будто ему самому так уж нравилось совать нос в чужие дела...

Немного подумав, он негромко произнёс:

— Прошу простить за беспокойство.

И в то же мгновение бесследно исчез.

В комнате воцарилась тишина. Лишь спустя изрядное время Чжун Сю тихо рассмеялся:

— Молодой господин не держит слова. Неужели он не хочет расставаться со мной или же пленился красотой сестрицы Жоу?

Скрывавшийся в тени Фу Цанчжоу вздрогнул от неожиданности. По всем правилам, использованная им тайная техника полностью скрывала облик и дыхание. Даже другие призраки не должны были ничего заподозрить. Поколебавшись мгновение, он решил не поддаваться на провокацию и замер на месте, не выдавая своего присутствия.

Прошло ещё немного времени, прежде чем раздался тихий женский голос:

—... Ушёл?

— Ушёл, — ответил Чжун Сю.

Юный повелитель призраков мысленно перевёл дух. Чутьё не подвело — его действительно пытались взять на пушку. Этот Чжун Сю оказался на редкость хитёр и изворотлив. Из его уст лился такой поток цветистых речей, что было совершенно невозможно понять, где правда, а где ложь. Именно поэтому Фу Цанчжоу и предпочёл остаться в тени. Словесные баталии никогда не были его сильной стороной — ему куда проще было сразу пустить в ход кулаки. Однако интуиция подсказывала, что здесь такой подход неуместен.

Тем временем госпожа Бай, до этого казавшаяся безучастной и отрешённой, с облегчением вздохнула:

— Кто это был? Какая пугающая сила.

— Сам не знаю, — отозвался Чжун Сю, не теряя своего привычного легкомыслия. — Может... и

впрямь какой-нибудь заступник, ищущий справедливости?

— Не грозит ли опасность Линь-лану? — на лице госпожи Бай отразилась тревога.

— Не бойся, — покачал головой призрак. — У того юноши явно нет дурных намерений, иначе он расправился бы с нами на месте. И тогда мы с тобой точно превратились бы в парочку обречённых любовников на том свете.

— Чжун-лан, ты опять за своё.

— Небо и земля мне свидетели! Мои чувства к тебе чисты и ясны, разве смею я шутить?

Девушка, очевидно, давно привыкла к подобным излияниям и ничуть не смутилась.

— Я уже отдала сердце Линь-лану. И при жизни принадлежала ему, и после смерти останусь его верной спутницей.

Чжун Сю состроил жалобную гримасу:

— Сестрица Жоу...

—...

Терпеливо снося чужое воркование, Фу Цанчжоу вычленял из разговора крупницы полезных сведений. Если отбросить в сторону сложность их взаимоотношений, становилось ясно одно: оба призрака проявляли к Линь Мо поразительную заботу и искренне пытались оградить его от любой внешней угрозы. Их эмоции казались совершенно искренними.

Но что же всё-таки происходило с самим Линь Мо?

Понимания это не добавляло. Фу Цанчжоу оставалось лишь набраться терпения и слушать дальше. В глубине души он то и дело закатывал глаза. Сладкие речи призрака лились нескончаемым потоком — казалось, тот действительно неравнодушен к госпоже Бай. При мысли об этом Фу Цанчжоу почувствовал мимолётную жалость к их общему «супругу».

«Похоже, несчастный книжник, сам того не ведая, примерил классический образ обманутого мужа. А ведь его собственная жизнь висит на волоске, что вызывает ещё большее сострадание».

— Полно шутить, Чжун-лан, — оборвала его госпожа Бай и помрачнела. — На душе у меня всё равно беспокойно.

— Что так?

— Сегодня нас едва не разоблачили... Не случится ли беды?

— Сестрица Жоу, не тревожься, — Чжун Сю перестал улыбаться, на мгновение став серьёзным.
— Осталось всего восемь дней. Если боишься случайностей, мы просто закроемся дома вместе с братом Цзыянем и носа на улицу не высунем.

— Только это и остаётся, — вздохнула она.

Призрак ответил со свойственным ему фатализмом:

— Мы сделаем всё, что в наших силах, а там — как суждено Небом. Даже в случае неудачи жалеть будет не о чем.

— Всё из-за меня... — слышался её подавленный голос.

Чжун Сю негромко рассмеялся, мягко коснувшись ладонью щеки:

— Не кори себя. Если уж кого и винить, так это поразительную глупость брата Цзыяня.

— Линь-лан сделал это только ради меня! — поспешила заступиться госпожа Бай.

— И всё же он глуп. Поверил первому встречному на слово.

Девушка промолчала. Лишь спустя долгое время она тихо вздохнула:

— Надеюсь, когда всё закончится, Линь-лан станет осмотрительнее. Найдёт себе хорошую девушку из приличной семьи и заживёт спокойной, мирной жизнью.

— Брат Цзыянь слишком упрям, — отозвался Чжун Сю. — Когда мы уйдём, ему понадобятся годы, чтобы оправиться и смириться.

— Время лечит, — возразила госпожа Бай. — У него есть престарелые родители, младшие братья и сёстры, которые ещё твёрдо не стоят на ногах. Ради них он просто обязан поскорее взять себя в руки.

Призраки продолжали неторопливую беседу. Из их слов можно было извлечь немало полезного, хотя суть происходящего по-прежнему ускользала. Фу Цанчжоу внимательно анализировал услышанное, постепенно выстраивая логическую цепочку:

Линь Мо явно стал жертвой обмана, и именно в этом крылся источник его беды. Чжун Сю и госпожа Бай замыслили нечто, призванное спасти книжника. Их намерения были благородными, но исход дела оставался туманным. После этого они планировали исчезнуть.

Осталось восемь дней.

Восемь дней... Это ключевой срок. Спустя восемь дней наступит сорок девятый день с момента кончины госпожи Бай — сакральный рубеж поминовения усопших.

Пока Фу Цанчжоу лихорадочно перебирал в памяти всё, что знал об этом дне, дверь скрипнула. Вошёл Линь Мо. Его взгляд мгновенно устремился к жене, и он нежно позвал её по имени. В руках он держал веточку зимней сливы с изящными жёлтыми цветами.

— Срезал её у старшего брата Чэня. Ты ведь так любишь цветы восковицы.

Девушка с радостью приняла скромный дар, её голос преисполнился нежности:

— Супруг мой так внимателен.

С этими словами она прислонилась к плечу юноши. Линь Мо обнял её в ответ, и они принялись тихо ворковать.

Юный повелитель призраков, ещё мгновение назад сосредоточенно размышлявший над разгадкой тайны, при виде этой картины едва не лишился дара речи. Если перевести увиденное на язык суровой реальности, то зрелище представало поистине сюрреалистическим:

Влюблённый книжник с величайшим трепетом обнимал полуразложившийся труп, чьё лицо уже трудно было разглядеть, и шептал ему нежности. В то же время души мужчины-призрака и покойной девицы сплелись в неразрывный клубок внутри этого тела. Причём Чжун Сю, полностью управляя плотью, выказывал юноше ответную ласку, тогда как сама госпожа Бай, внимая речам мужа, роняла невидимые слёзы умиления.

Что за невообразимый хаос!

Бедный Фу Цанчжоу почувствовал, как его сознание окончательно заходит за разум. К счастью, пребывать в замешательстве ему пришлось недолго — очередная фраза Линь Мо мгновенно вернула его к реальности.

— Пора зажечь благовония.

— Снова обременяю тебя заботами, — тихо отозвалась девица.

Линь Мо поднялся, достал из потайного ящика стола коробку с ароматными палочками и мягко улыбнулся:

— Мы ведь супруги, к чему эти церемонии?

Чжун Сю и госпожа Бай одновременно тяжело вздохнули.

— Тебе нездоровится? — встревожился Линь Мо.

Окутанное мертвенной бледностью тело качнуло головой:

— Всё хорошо.

Не став расспрашивать дальше, юноша с благоговейным видом поджёг благовоние и установил палочку в курильницу. Тонкие струйки сизого дыма поплыли по комнате, окутывая их двоих полупрозрачной дымкой.

— Ещё несколько дней, и ты, дорогая, по-настоящему вернёшься к жизни, — в голосе Линь Мо скользнула робкая надежда.

Тело покойной лишь кротко улыбнулось в ответ.

Взгляд Фу Цанчжоу намертво приковался к тлеющей палочке. Он слегка прищурился, провожая глазами клубящийся дым и внимательно изучая сидящую перед ним пару.

Вот оно что.

Выходит, вечно паясничавший Чжун Сю не солгал в главном: Линь Мо действительно добровольно отдавал собственные жизненные силы, пытаясь воскресить возлюбленную. Но как обычный книжник, далёкий от духовного совершенствования и не смыслящий в магии, сумел сотворить подобное чудо?

Разгадка таилась в тлеющем благовонии.

В народе издавна бытовала легенда о благовонии духовного согласия — божественном даре для любящих сердец. Рассказывали, будто ежедневное его возкурение связывает родственные души, позволяя им чувствовать друг друга даже на расстоянии в тысячи ли. Считалось также, что этот состав впитывает эссенцию солнца и луны, благодаря чему способен наводить мосты между мирами живых и мёртвых.

Линь Мо зажёл именно его. Вот только это благовоние разительно отличалось от легендарного.

Оно служило приманкой. Приманкой для гу.

Речь шла о пожирающем богов гу — паразите, обитающем на стыке инь и ян. Под воздействием аромата благовония дочерний гу внедрялся в самое сердце недавно усопшей девственницы, создавая полную иллюзию возвращения к жизни. Стоило мёртвой девице разделить ложе с тем, кто воскурял благовония, как их души связывались невидимой нитью. С этого момента плоть покойной оставалась нетленной лишь до тех пор, пока горели ароматные палочки.

К концу сорок девятого дня, когда дочерний гу окончательно созрел, он перекачивал всю поглощённую жизненную силу материнскому гу. После этого паразит погибал, труп мгновенно превращался в прах, а души несчастных влюблённых без остатка поглощались прожорливой тварью.

Фу Цанчжоу не знал, откуда у Линь Мо взялось это благовоние, но, сопоставив факты, пришёл к выводу: желая спасти возлюбленную, книжник доверился какому-то негодяю. Сама восставшая из мёртвых девица, служившая лишь сосудом для выращивания паразита, обычно ни о чём не догадывалась. Равно как и её ослеплённый горем избранник, готовый делить душу со мертвецом.

Согласно древним текстам, пожирающий богов гу создавался практикующими тёмный путь людьми ради обретения бессмертия или быстрого возвышения.

Неудивительно, что Чжун Сю назвал друга глупцом. Чувства Линь Мо заслуживали уважения, но сама попытка вернуть мёртвого в мир живых была верхом безрассудства. И дело не только в том, что это благовоние губило обоих. Посвягательство на законы жизни и смерти, попытка смешать свет и тьму всегда карались законами Небесного Дао. Даже если бы книжник использовал чистую магию, не вредя невинным, за подобное святотатство ему всё равно пришлось бы заплатить годами собственной жизни и бесконечными болезнями в будущем.

Фу Цанчжоу отбросил лишние мысли. Его глаза налились багрянцем, когда он устремил взор в самую грудь покойной госпожи Бай, пытаясь рассмотреть её сердце.

«Что за чудеса? Куда делся пожирающий богов гу?»

Тут до него дошло то, на что он с самого начала не обратил должного внимания. Если девица восстала из могилы и узнала мужа, связь между паразитом, телом и жизненной силой книжника должна была укрепиться. Но каким образом посторонний призрак Чжун Сю сумел проникнуть в мёртвую плоть? И не просто проникнуть, а захватить контроль над телом?

Сосуд для выращивания гу не должен иметь изъянов и посторонних примесей. Ни одна посторонняя душа просто не смогла бы удержаться в теле, где зреет паразит.

Фу Цанчжоу перевёл взгляд на мужской силуэт. Он разглядывал его добрую четверть часа, но

так и не смог разгадать эту загадку. Проблема заключалась в том, что души двух призраков, запертые в одной телесной оболочке, по какой-то неведомой причине частично слились воедино, образовав неразрывное целое.

Поколебавшись мгновение, Фу Цанчжоу скользнул взглядом по книжнику и решительно взмахнул рукой. Тотчас же единственный живой человек в этой комнате без сил повалился на стол, погружившись в глубокий сон.

— Муж мой! / Брат Цзыянь! — в один голос вскрикнули призраки.

Убедившись, что Линь Мо всего лишь спит и его дыхание ровное, они немного успокоились.

— Кто здесь бесчинствует? — гневно выкрикнула госпожа Бай.

Чжун Сю окинул комнату пронизательным взглядом и негромко рассмеялся:

— Покажись, молодой господин. Я знаю, что это твоих рук дело.

Фу Цанчжоу не стал более таиться. Его фигура соткалась из воздуха в трёх шагах от призраков. Лицо госпожи Бай исказилось от страха и злости, она требовательно спросила:

— Чего тебе нужно, молодой господин? Почему ты преследуешь нас?

— Сестрица Жоу, поубавь пыл, — мягко остановил её Чжун Сю и перевёл взгляд на незваного гостя. — Полагаю, наш юный друг снизойдёт до объяснений. Я прав?

Фу Цанчжоу не собирался тратить время на пустые препирательства. Подражая величественной и холодной манере брата Чжэня, он неторопливо извлёк древний фолиант и принялся неспешно перелистывать страницы.

— Я храню Книгу жизни и смерти, — бесстрастно произнёс он.

Перед тем как показаться, Фу Цанчжоу всё тщательно взвесил. Поскольку применять силу здесь было не к месту, а заставить подозрительных призраков говорить правду как-то требовалось, ему нужен был веский довод или внушающий трепет статус. Называть себя Повелителем призраков казалось слишком неловким и напыщенным. А вот Книга жизни и смерти была у всех на слуху. Достаточно назваться её хранителем, чтобы разжечь воображение собеседников.

Поверят они или нет — не имело значения. Сила, сокрытая в Книге, излучала такое мощное, первородное давление, что любой дух, даже полный сомнений, невольно склонил бы голову перед этой грозной волей.

И уловка работала. Оба призрака оцепенели. Гнев госпожи Бай моментально испарился, уступив место благоговейному страху; она испуганно прижалась к Чжун Сю. Тот первым пришёл в себя и, изобразив на лице подобие вежливой улыбки, почтительно поклонился:

— Так вы — уважаемый Судья душ. Простите ничтожному мою давешнюю дерзость и соблаговолите явить милость.

«Судья? — мысленно переспросил Фу Цанчжоу, вспомнив народные предания о том, что именно грозный Судья подземного царства вершит судьбы по Книге. — Что ж, пусть буду Судьёй, спорить и разубеждать его нет смысла».

Слегка покачав головой, юноша ответил:

— Я пришёл не наказывать. Меня интересует Линь Мо. Готовы ли вы открыть мне истину?

В комнате повисла короткая пауза.

— И что же господин Судья желает знать? — осторожно спросил Чжун Сю.

В его голосе всё ещё сквозило недоверие, но, по крайней мере, он перестал кривляться. Фу Цанчжоу остался доволен его реакцией. На будущее стоило запомнить: образ хранителя Книги жизни и смерти открывает любые двери. Он сохранил бесстрастное выражение лица и произнёс лишь два слова:

— Благовоние духовного согласия. Пожирающий богов гу.

Чжун Сю вздрогнул, а затем тяжело и протяжно выдохнул:

— Взор господина Судьи пронизывает Небеса. Как смеет ничтожный лгать вам?

Он перевёл взгляд с призрака госпожи Бай на спящего Линь Мо.

— Всё началось с того дня, когда сестрица Жоу упала в воду и утонула...

Рассказ Чжун Сю почти в точности совпал с догадками Фу Цанчжоу.

Линь Мо и госпожа Бай искренне любили друг друга. Известие о внезапной кончине невесты подкосило книжника. Не в силах смириться с утратой, он едва не лишился рассудка от горя. Прослышав, что благовоние духовного согласия способно связывать мир живых и мёртвых, Линь Мо загорелся безумной надеждой вымолить у судьбы хотя бы одну последнюю встречу.

Однако стоило ему зажечь палочку, как его возлюбленная неожиданно «воскресла».

Вновь обретшая плоть госпожа Бай смутно чувствовала, что должна разделить жизненную силу с тем, кто возжёт благовоние, и лишь по истечении сорока девяти дней её возвращение в этот мир станет окончательным.

Узнав об этом, Линь Мо без малейших колебаний принёс клятву Небу и Земле, выразив готовность отдать половину собственной души. Пережив столь страшное испытание, влюблённые дали друг другу свадебные обеты и той же ночью познали близость.

— Я скитаюсь в облике призрака уже около года, — продолжал Чжун Сю. — И за это время успел повидать всякое. Однажды мне довелось своими глазами созерцать, к какому страшному исходу приводит это благовоние... При жизни я был обязан Линь Мо спасением. Позже мы учились в одной академии и за долгие годы сблизились настолько, что стали ближе кровных братьев. Разумеется, я не мог безучастно смотреть, как мой спаситель и лучший друг шагает в разверстую пропасть.

Хотя легенды утверждали, будто благовоние связывает миры, простой смертный вроде Линь Мо не мог видеть бесплотных духов. Ему являлась лишь видимость ожившей плоти. Зато госпожа Бай, будучи мёртвой, прекрасно видела призраков. Тогда Чжун Сю явился к ней и открыл всю страшную правду.

Девушка ужаснулась содеянному, осознав, какую беду навлекла на своего возлюбленного. Не раздумывая, она попыталась вырезать паразита из собственного сердца, готовая сгинуть без следа, лишь бы уберечь Линь Мо. Разумеется, затея провалилась, и несчастная едва не уничтожила собственную душу.

В этот критический момент Чжун Сю решился на отчаянный шаг. Рискуя всем, он сумел перехватить и поглотить пожирающего богов гу.

—... С тех пор мы и маемся вдвоём. Наши души слились, и мы больше не можем разделиться.

Фу Цанчжоу кивнул, наконец сопоставив все детали. Настроив восприятие, он ощутил исходявшие от Чжун Сю духовные эманации и негромко произнёс:

— Гу слился с твоим естеством, но связь не разорвалась. Ты продолжаешь невольно высасывать жизненные силы из Линь Мо.

— Да, я знаю, — печально подтвердил призрак.

Но было во всей этой истории и нечто обнадеживающее. Поглотив паразита и насильно заняв мёртвое тело, Чжун Сю разорвал его невидимую связь с благовонием и материнской особью. Тем не менее жизненная сила Линь Мо по-прежнему утекала, продолжая питать гу.

И тогда они придумали план спасения.

Подобно тому, как созревший гу отдаёт накопленные силы своей матери, Чжун Сю намеревался выждать сорок девять дней. В тот самый миг, когда жизнь покинет Линь Мо, он собирался вернуть всю поглощённую энергию обратно в его тело. Это был единственный призрачный шанс уберечь друга от гибели.

Выслушав его, Фу Цанчжоу покачал головой:

— Жизненную силу нельзя одолжить как безделицу, а затем вернуть по первому требованию.

Чжун Сю мягко улыбнулся. Всё его напускное легкомыслие бесследно исчезло, уступив место благородной печали:

— Раз есть хоть крупика надежды, мы обязаны попытаться.

Теоретически это было возможно. Раз связь с материнским гу оборвалась, Чжун Сю, ставший единым целым с паразитом, мог направить накопленную энергию обратно. Но...

— Даже если всё пройдёт гладко, ваши души будут полностью уничтожены, — предупредил Фу Цанчжоу.

— Я давно должна была мирно покоемся в сырой земле, — внезапно заговорила госпожа Бай.
— Если бы не чувства Линь-лана, мне бы никогда не довелось вновь увидеть небо. Полное исчезновение не страшит меня. Вот только... — она запнулась и виновато посмотрела на призрака: — Я безвинно погубила тебя, Чжун-лан.

Тот лишь с улыбкой покачал головой:

— Не спаси меня брат Цзыянь пять лет назад, я бы давно сгнил в могиле. Наша дружба длилась долгие годы, и ради него мне не жаль отдать остатки собственной души. К тому же... разделить участь с сестрицей Жоу, пусть даже нам суждено вместе обратиться в ничто — истинное блаженство.

Фу Цанчжоу промолчал. Он по-прежнему не до конца понимал характер их запутанных отношений, но готовность Чжун Сю и госпожи Бай принести себя в жертву ради спасения Линь Мо вызвала искреннее уважение. Как бы глупо ни поступил книжник, его преданность породила ответное благородство.

Фу Цанчжоу на мгновение задумался, опустив взор, а затем негромко произнёс:

— Вам не придётся погибать. У меня есть способ сохранить Линь Мо жизнь.

Не успел он договорить, как оба призрака одновременно склонились перед ним в глубоком поклоне.

— Просим господина Судью указать путь, — на лице Чжун Сю отразилась неподдельная радость. — Мы готовы исполнить любое ваше повеление.

— Повелевать вами я не стану, однако... — Фу Цанчжоу извлёк из широкого рукава изящную шкатулку ста вместилищ. — Снимать проклятие пожирающего богов гу я не умею. Пока я не найду истинное лекарство, вам придётся безвылазно находиться в этой шкатулке. Вы лишитесь свободы, а ваши жизни окажутся полностью в моей власти. Это суровое условие.

— Если это спасёт Линь-лана, я согласна на любую участь, — без тени сомнения ответила госпожа Бай.

Чжун Сю мягко улыбнулся:

— Разве это можно назвать суровой участью? Великодушие господина Судьи дарует нам второе рождение. Мы почтём за честь служить вам, о чём тут жалеть?

Фу Цанчжоу невольно подивился его поразительному легкомыслию и стойкости духа.

— В таком случае, я забираю вас...

— Позвольте мне оставить Линь-лану хотя бы весточку, — взмолилась госпожа Бай.

Фу Цанчжоу кивнул:

— Хорошо.

Чжун Сю, управлявший мёртвым телом, быстро отыскал бумагу и тушь. Под диктовку госпожи Бай он написал короткое прощальное письмо.

Она писала, что их земной союз подошёл к концу, раскрывала горькую правду о благовонии духовного согласия и заклинала супруга впредь быть осмотрительнее и не доверяться проходимцам. Строк было немного, и Чжун Сю закончил писать в считанные мгновения.

Видя их безоговорочное доверие, Фу Цанчжоу ощутил удовлетворение, но всё же счёл нужным предупредить:

— Я оставлю Линь Мо охранный талисман, который поможет ему со временем восстановить утраченные силы. Однако помните: содеянное им нарушает законы природы. Судьба редко

прощает подобное святотатство, и его дальнейший путь вряд ли окажется лёгким.

Госпожа Бай на мгновение затихла, а затем прошептала:

— Лишь бы он жил.

— Даже если брату Цзыяню не суждено дожить до глубокой старости, — добавил Чжун Сю, — без этого паразита в груди его душе ничто не мешает после смерти войти в круг перерождений и снова стать человеком.

«Какое там долголетие... — мысленно вздохнул Фу Цанчжоу. — Ему теперь и трёх лет протянуть будет за счастье».

Да и рассуждения о колесе перерождений были далеки от реальности. В этом мире души умерших, если только они не обращались в призраков, бесследно растворялись в великом эфире Неба и Земли, что мало отличалось от полного забвения.

Впрочем, эти мысли он предпочёл оставить при себе. Хранителю Книги жизни и смерти не следовало праздно рассуждать о чужих судьбах.

С тихим шорохом шкатулка ста вместилищ поглотила обоих призраков, запечатав их в одной из ячеек. Фу Цанчжоу подошёл к спящему книжнику. Как он и предполагал, отток его жизненных сил прекратился. Юноша не владел искусством исцеления от ядов гу, но любая магия подчинялась простому закону: сила подавляет слабость. Используя мощь шкатулки ста вместилищ, он воздвиг невидимый барьер, который намертво отсёк пожирающего богов гу от его жертвы.

К сожалению, вернуть уже растраченную жизненную силу было невозможно. Пожалуй, это и стало той суровой ценой, которую Линь Мо пришлось заплатить за собственную глупость. Впрочем, если бы удалось отыскать создателя гу, шанс исправить положение ещё оставался.

При этой мысли Фу Цанчжоу нахмурился.

Найти кукловода будет чрезвычайно сложно.

Во-первых, Чжун Сю поглотил паразита, из-за чего его собственная аура смешалась с аурой госпожи Бай и самого гу. Этот хаотичный энергетический след делал невозможным отслеживание связи между дочерней и материнской особями.

Во-вторых, благовоние духовного согласия могло сменить множество рук, прежде чем попасть к книжнику. Даже если отыскать торговца, продавшего палочки Линь Мо, выйти на истинного создателя яда вряд ли удастся.

Это походило на попытку отыскать злоумышленника, подбросившего отравленное мясо на заброшенном рынке без единой камеры наблюдения. Задача требовала колоссальных усилий и времени, не гарантируя при этом никакого результата.

Фу Цанчжоу погрузился в раздумья.

Предупреждение Книги жизни и смерти, по всей видимости, было связано не только с судьбой Линь Мо. Скрытая угроза, которую несло в себе смертоносное благовоние, простиралась гораздо дальше. Чжун Сю ведь упоминал, что это далеко не первый случай использования пожирающего богов гу.

«Что ж... Стоит поскорее обсудить это с братом Чжэнем».

Создателем гу определённо был человек, а в делах смертных и мирских интригах Фу Цанчжоу частенько не хватало опыта. Зато у брата Чжэня всегда находилось верное решение для любой, даже самой запутанной задачи.

<http://bllate.org/book/19708/2001268>